

ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ ГАЛЬПЕРИН

УЧИТЕЛЬ ИЗ ПЛЕЯДЫ МУДРЕЦОВ
(1902 — 1988)

На философском факультете МГУ в 50—80-е гг. преподавали профессора, которых знали и узнавали в лицо буквально все — от первокурсника до аспиранта. Так, В.Ф. Асмуса знал каждый, независимо от того, слушал ли он его лекции. Таким же был Петр Яковлевич Гальперин — он нравился студентам, его любили все. Его отличали благородные манеры, красивое лицо, удивительная деликатность, доброжелательность, чуткость и скромность. И вместе с тем он был ученым мировой величины, выдающимся мыслителем в области теории и истории психологии, педагогики, детской психологии, патопсихологии, психиатрии, физиологии мозга.

Мировую известность принесла П.Я. Гальперину выдвинутая им теория планомерно-поэтапного формирования умственных действий, понятий и образов, в которой проанализировано становление основных компонентов психической деятельности; разработана система условий превращения предметного действия в собственно психический феномен. На основе этой концепции П.Я. Гальперин предложил новое понимание предмета психологии как учения об ориентировочной деятельности; свой метод исследования психических процессов метод их планомерного формирования, принципиально отличающийся от традиционного метода срезов с помощью системы тестов; по-новому представил сущность психических

процессов, каждый из которых в его концепции рассматривается как вид ориентировочной деятельности, направленной на решение специфических задач. В современной психологии идеи П.Я. Гальперина позволили на принципиально новом уровне решать проблемы интеллектуального развития ребенка и строить практику обучения.

Его книги переведены во многих странах мира. О теории П.Я. Гальперина написаны научные исследования в Польше и Венгрии, в Болгарии и Румынии, на Кубе и в Китае, в Финляндии, Голландии и Японии. Он стал основателем научной школы, последователи которой работают в разных странах мира.

Сложное историческое время — две мировые войны, несколько революций, репрессии (в его семье, к счастью, никто не пострадал, но страх и осторожность поселились в его душе), эвакуация и переезды — все это не способствовало сохранению семейных архивов, и о жизни П.Я. Гальперина осталось мало документальных свидетельств. Сам он не часто рассказывал о себе. Петр Яковлевич предпочитал беседовать о научных проблемах психологии, о событиях культурной жизни Москвы, о переменах в общественной и политической жизни, о прочитанных книгах. И всегда его интересовала судьба собеседника.

Без сомнения, наиболее глубокое жизненное переживание Петра Яковлевича связано с тра-

гической гибелью матери, очевидцем которой он был: когда она выходила из трамвая, ее сбила проезжавшая мимо машина. Матери было 32 года, сыну — 12. Это событие вызвало у него эмоциональный ступор.

Память о рано умершей матери сохранилась в одном интересном рассказе Петра Яковлевича. Он вспоминал, как в детстве любил сидеть возле своей матери, когда она что-нибудь вязала. Мать просила его распутать нитки, найти конец и смотать их в клубок. Ему нравилось это занятие. Много позже, рассматривая сложный психологический феномен, анализируя его причину, прослеживая ход его изменения и развития, Петр Яковлевич часто использовал метафору «найти нить Ариадны», очевидно, вкладывая в этот довольно известный образ глубинное детское переживание.

Петр Яковлевич любил стихи А.А. Ахматовой. Особенно это:

«Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье...»

В развитии Петра Яковлевича как ученого и человека определяющее значение принадлежит отцу. Яков Абрамович Гальперин (1875—1938) по профессии врач-отоларинголог, был убежден, что большинство болезней мозга происходит от нарушений системы «ухо-горло-нос». Человек, несомненно одаренный, он был первым учеником частной гимназии и закончил ее в 14 лет с золотой медалью. Будучи сыном типографского наборщика, он преодолел предопределенную ему рождением судьбу и добился общественного признания как талантливый врач. Он испытал на себе унижительные последствия социального неравенства. Его будущая жена, Софья Моисеевна Маргулис, была дочерью купца первой гильдии, и ее родители решительно препятствовали их браку. Быть может, это определило не только политические симпатии, но и активное участие Якова Абрамовича в революционных событиях. Задолго до Октябрьской революции его исключили из института за

участие в студенческих волнениях в Харькове. Позднее он снова поступил в медицинский институт, но уже в Киеве, и с успехом его закончил.

Под влиянием отца Петр Яковлевич поступил на лечебный факультет Харьковского медицинского института, окончив который в 1926 году, стал невропатологом.

Надо сказать, что в юности Петр Яковлевич тяжело болел. Диагноз трудно было поставить точно, предполагали туберкулез кишечника. Он практически ничего не мог есть, единственной пищей была гречневая каша, сваренная на воде. Он был настолько слаб, что ходил, опираясь рукой о стену. И как раз в это время... его призывали на военные сборы. Он был вынужден подчиниться. Петр Яковлевич рассказывал, что там, на свежем воздухе, молодые люди очень много смеялись, и это способствовало его выздоровлению. Возможно, это была шутка или самоирония, столь свойственная Петру Яковлевичу.

Подлинным его другом, личным врачом, по-настоящему любимым и любящим человеком была его жена, Тамара Израилевна Меерзон. С ней он учился в одной гимназии, в одном классе, но каждый день, возвращаясь домой, просил сестру отнести «записочку Тamarочке». В 1927 г. у них родилась дочь Софья. В 1976 г. он посвятил жене свою главную книгу «Введение в психологию». Вместе они прожили всю жизнь и умерли в один год.

Разделяя политические симпатии отца, Петр Яковлевич всегда считал социалистическое устройство общества более справедливым, так как оно позволяет бороться с бедностью. Можно предположить, что истоки общей направленности его профессиональной деятельности — помогать людям — содержатся в духовной атмосфере его отчего дома. Помогать преодолевать болезни в качестве врача, помогать учащимся осваивать новые знания, способствовать культурному развитию личности, формированию разнообразных психических способностей в качестве психолога — все это нашло воплощение в его жизни.

Петя Гальперин с родными

Казалось бы, такая установка могла привести к творению добрых дел по отношению к окружающим его близким людям — и в их семье это было нормой. Так, когда в Харьковскую клинику привезли истощенных от голода и больных детей, юный Петр Яковлевич умолял отца взять кого-нибудь, приютить ребенка, что, разумеется, и было сделано. Надо сказать, что после смерти матери у отца осталось трое детей. И тогда сотрудница отца по

медицинской клинике, операционная сестра Анна Ивановна, стала для детей второй матерью. Ее умение вести хозяйство, заботливость и доброта распространялись не только на членов семьи, но и на пациентов, спасенных доктором Я.А. Гальпериным.

Направленность семьи на деятельное добро осталась в Петре Яковлевиче на всю жизнь. Это помнят и его студенты, и его коллеги-психологи.

Однако глубинное стремление помогать другим осуществилось в полной мере в профессиональной деятельности П.Я. Гальперина как психолога. Его девизом было: «Психолог должен уметь что-то делать!» А это, в свою очередь, требует исследования механизмов и причин психических явлений. Только благодаря их пониманию желаемый результат в профессиональной деятельности достигается не случайно.

Недолгая медицинская практика Петра Яковлевича как врача-невропатолога убедила его в том, что врач часто работает, опираясь на интуицию, и не всегда понимает причины своих успехов и неудач. Такой опыт невозможно передать другому. Именно это послужило одним из стимулов его обращения к психологии.

Судьба предоставила случай: в Харьков приехала группа психологов во главе с А.Н. Леонтьевым, которая начала исследовательскую работу в Психоневрологическом институте. В ее составе были такие известные ныне психологи, как Л.И. Божович, А.В. Запорожец, Н.А. Морозова и другие. Это были молодые люди, очарованные психологией и влюбленные в Л.С. Выготского. Встреча с А.Н. Леонтьевым оказалась чрезвычайно важной для Петра Яковлевича. П.Я. Гальперин вспоминал, как вечерами они с А.Н. Леонтьевым гуляли по улицам Харькова, страстно обсуждая вопрос о том, гений ли Выготский или только талант. Понятно, что за этим вопросом была скрыта глубокая личностная проблема: «Кто же тогда они сами?»

С 1931 г. в составе Харьковской группы, возглавляемой А.Н. Леонтьевым, активное участие в обосновании и развитии концепции деятельности принимал П.Я. Гальперин. В его кандидатской диссертации, посвященной анализу психологических различий орудий человека и вспомогательных средств у животных, уже заложено ключевое понятие его собственной научной концепции: он рассматривает действие субъекта в качестве основы развития психических процессов. Эта работа стала замет-

ной вехой в истории становления советской психологии.

После смерти Л.С. Выготского Харьковская группа начала распадаться. Уехал в Москву А.Н. Леонтьев, а без него группа как целое уже не могла существовать. О положении и настроениях харьковских психологов мы можем узнать из сохранившегося в архиве А.Н. Леонтьева письма, отправленного ему в сентябре 1934 г. Лидией Ильиничной Божович.

«Дорогой мой Алексей Николаевич!

Что я нашла в Харькове?

1. Две знакомые комнаты, пахнущие пустотой и мышами.

2. Грязное, еще не отремонтированное учреждение [...]

3. Унылых людей, без копейки денег в кармане (зарплату не выдавали еще за июль месяц).

4. Строгого и любящего Петю (П.Я. Гальперин — Прим. ред.).

5. Взволнованного Сашу (А.В. Запорожца — Прим. ред.) (он не знает, что делать с Пед. ин-том и резонно ругает Вас).

6. Разговоры о том, что лучше — Москва или Харьков [...]

[...]

А серьезно говоря, Вам следовало бы быть здесь, хотя я понимаю, что Вам необходимо быть в Москве.

Настроение у Петю:

Москва во что бы то ни стало.

Настроение у Саши и у меня — смутно, хотя я склоняюсь к Москве.

[...]

Но уехать в Москву, чтобы продолжить работу с А.Н. Леонтьевым, тогда Петру Яковлевичу не удалось. В 1936 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» — и для психологии начались особенно тяжелые времена. Возможно, только пронизательный ум и дипломатические способности А.Н. Леонтьева могли отчасти спасти положение. Именно поэтому к нему тянулись все талантливые психологи. На него возлагал все свои надежды и П.Я. Гальперин.

Вскоре началась Великая отечественная война. П.Я. Гальперин работал в госпитале в Сибири, где как военный врач и психолог занимался восстановлением двигательных функций руки после пулевых ранений. Эта практическая работа также оказала свое влияние на дальнейшее развитие психологической теории деятельности. Петру Яковлевичу было присвоено звание майора медицинской службы.

Шла повседневная суровая военная жизнь. А в душе Петра Яковлевича бушевала настоящая буря. Он писал А.Н. Леонтьеву в июле 1942 г. из Тюмени:

«Дорогой Алексей Николаевич!

Твое письмо и открытка взволновали и расстроили меня так сильно, что я не смог ответить Тебе сразу. А последние две недели мне с трудом удается выделить час времени утром, чтобы на свежую голову продумать одну небольшую тему.

От Твоего письма на меня повеяло речью друга, и я почувствовал вдруг, как страшно стосковался по такой речи! Я иду навстречу ей и протягиваю Тебе обе руки. У меня нет никаких сомнений, никаких возражений. Опасаюсь я только одного — самого себя.

Твои замечания обо мне, по-моему, слишком скромны. Я гораздо худшего мнения на этот счет. Это не минутное настроение, а слабое выражение ужаса, который я иногда испытываю от самого себя, когда содеянное становится передо мной и я начинаю задним умом понимать, что я натворил. И, срываясь, продолжаю творить в отношении самых близких людей до самого последнего времени, как ни стараюсь себя предупредить и перестроить заранее. Только надежда, что не все потеряно (а м.б., и трусость, это мне еще неясно), несколько раз помешала мне разделаться с собой, как я того заслуживал. Я боюсь себя и не верю себе. Поэтому у меня только один выход: упрощение схемы поведения и полная искренность. Это единственное, что я прошу Тебя принять и извинить заранее.

Сейчас у меня большое и настоящее желание жить в духе и работать вместе. Точнее: вместе

с Тобой. Для этого я готов жертвовать очень и очень многим. Можешь рассчитывать на меня полностью и распоряжаться моей кандидатурой, как сочтешь лучшим для нашего объединения и общей работы. Ты учтешь мои склонности к теоретической и преподавательской работе, а остальное — безразлично.

Сейчас я жду решения на мое заявление о добровольном вступлении в армию (Петру Яковлевичу — 40 лет! — Прим. ред.). Сегодня-завтра получу ответ. Ближайшие перспективы, а с ними интересы повисают в неопределенности. Ты поймешь, отчего на этом я прерву письмо, чтобы тотчас продолжить его, когда положение выяснится. Надеюсь и верю, что фронтовые испытания, если мне придется встретиться с ними и выйти целым, послужат хорошим граником, чтобы снять с меня отвратительные черты характера. Они бы наилучшим образом подготовили меня к тем высоким человеческим отношениям, которые я хочу видеть между нами в будущем и без которых остается оголенная жизнь ради тощей идеи. [...]

Искренне Твой П.Г.»

Что это было? Для нас это остается тайной, которую никогда не удастся разгадать, а может быть и не нужно пытаться это делать. Важно одно признание Петра Яковлевича, высказанное им в другом письме к Алексею Николаевичу:

«[...] Да, как бы мне уже хотелось быть с Вами, с Тобой и А.В.! Я не взвешиваю и не рассуждаю, передо мной нет выбора. Работать по психологии — это все. Да еще с друзьями — это высшее счастье. [...]» (28/XII 1942 г.)

Все проблемы были решены! И с 1943 г. Петр Яковлевич — доцент кафедры психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, а после защиты докторской диссертации в 1964 г. — профессор и заведующий кафедрой возрастной психологии. За этими формальными данными, которые обычно приводят в официальных документах, стоит интенсивная исследовательская и педа-

Панорама Манежной площади.
Слева — Манеж, справа —
университетские здания на Моховой

гогическая работа, где было все: и радость достижений, и боль непонимания.

В Москве Петр Яковлевич, наконец, получил возможность экспериментальной и теоретической разработки ряда «трудных и острых вопросов современной психологической науки», что привело к созданию новой психологической теории, имеющей широкое практическое применение. К сожалению, не все было опубликовано им, но свои идеи он излагал в лекциях, передавал устно в ежедневных беседах с учениками и научных семинарах.

Петр Яковлевич воспитал целое поколение психологов, которые вспоминают о нем с благодарностью и любовью. Каждый, кто помнит Петра Яковлевича, согласится со словами профессора МГУ А.Н. Ждан:

«Его курсы по общей психологии, читаемые в Московском университете, выступления перед студентами или доклады на методологических семинарах неизменно собирали огромную аудиторию. Такой интерес к его слову легко объяснить: это слово формировало психологическое мировоззрение. Как автор оригинальной теории в психологии Петр Яковлевич и в учебных курсах ставил и обсуждал такие большие теоретические проблемы, как проблема предмета и метода в психологии, сущности психического. Особенно важной П.Я. Гальперин считал проблему предмета науки, называя вопрос о предмете «роковым вопросом психологии», от решения которого не может уйти ни один психолог-практик. На любом конкретном факте, будь то занятия с неуспевающим учеником, анализ феномена внимания или обращение к психологической мысли прошлого, например к теории Спинозы об аффектах, П.Я. Гальперин учил видеть большие психологические проблемы. Концепция поэтапного формирования умственных действий и понятий является собой действительное единство теории и эксперимента, единство фундаментальных и прикладных проблем, что и делает психологию настоящей наукой».

Каждый, кто общался с Петром Яковлевичем, помнит его по-своему и в то же время отмечает наиболее глубокое и важное, что отличает неповторимый образ Учителя.

Почти 40 лет был знаком с Петром Яковлевичем профессор В.В. Давыдов, академик РАО:

«...вначале он был моим преподавателем на психологическом отделении философского факультета МГУ, руководителем моей дипломной работы и кандидатской диссертации, а затем коллегой по изучению общих для нас вопросов возрастной и педагогической психологии. В моей научной судьбе Петр Яковлевич сыграл решающую роль.

Мне и моим университетским сокурсникам очень повезло: нам преподавали А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин и ряд других известных психологов. Среди них особенно выделялся П.Я. Гальперин, оказавший большое влияние на наше становление как специалистов-психологов. В течение двух лет лекции по общей психологии читал нам А.Н. Леонтьев, а семинары по этому курсу проводил П.Я. Гальперин. Это были незабываемые семинары: Петр Яковлевич объяснял нам содержание интереснейшей и вместе с тем трудной для нас тогда психологической теории А.Н. Леонтьева, раскрывая при этом свое понимание фундаментальных психологических вопросов. Это было развернутое введение нас в основы психологии. Далее Петр Яковлевич читал нам большой и углубленный курс по истории психологии. И все это происходило в те годы, когда под воздействием печально знаменитой «павловской сессии» многие психологи переходили к изучению высшей нервной деятельности. Семинары и лекции Петра Яковлевича позволили большинству студентов нашего курса по-настоящему осознать специфику психологической проблематики и не поддаваться соблазну исследования физиологических вопросов (а такая опасность тогда была).

П.Я. Гальперин — замечательный университетский преподаватель, умело читавший свои

лекции-размышления. Он не жалел времени на общение со студентами и аспирантами, заряжая их глубокой научной убежденностью и увлеченностью. Мои друзья-философы говорили о том, что особый интерес к психологии появился у них на лекциях Петра Яковлевича, который много лет читал курс общей психологии на философском факультете МГУ.

Научную работу я начал выполнять под руководством Петра Яковлевича в те годы, когда он создавал основы своей ныне знаменитой теории поэтапного формирования умственных действий; мне хорошо помнится его первое выступление по этому вопросу на Всесоюзном совещании по психологии в 1953 г.

В те годы с Петром Яковлевичем увлеченно работали еще несколько студентов и аспирантов (Н.И. Непомнящая, Н.С. Пантина и др.). Мы хорошо чувствовали новизну его подхода к проблеме, глубину его анализа экспериментальных данных, оригинальность его теоретических выводов. Затем он разработал теорию типов обучения и теорию развития действий, но именно его исходное понимание процессов формирования умственных действий явилось, на мой взгляд, наиболее существенным вкладом Петра Яковлевича в психологическую науку. [...]

П.Я. Гальперин создал в психологии свое научное направление, к которому принадлежат многие его последователи как в нашей стране, так и за рубежом. Их работы хорошо известны, но в них, по моему мнению, еще недостаточно отчетливо представлены основные положения теории П.Я. Гальперина в области психологии действий человека и его учения в области происхождения психики и сознания. Мы сейчас ощущаем острую потребность в целостном изложении всей его оригинальной психологической концепции.

П.Я. Гальперин обладал критическим и ироничным умом, который помогал ему реально оценивать результаты своих исследований и четко отделять в нашей науке злаки от плевел. Это позволяет нам высоко ценить его труды и

относиться к нему как к большому ученому нашего времени».

Ближайший сотрудник и соавтор Петра Яковлевича, профессор МГУ, академик РАО Н.Ф. Талызина отмечает в своих воспоминаниях:

«Особенно тесные контакты у меня сложились с Петром Яковлевичем. Началось это в 50-е гг., когда после окончания аспирантуры я приступила к работе на отделении психологии философского факультета МГУ. Петр Яковлевич пришел мне на помощь прежде всего как начинающему преподавателю. Беседы с Петром Яковлевичем очень скоро убедили меня в том, что без определения позиций в понимании предмета науки и метода его исследования нельзя приступить ни к построению курса лекций, ни к планированию частного экспериментального исследования. Хорошо помню, как мы долго ходили по улице Герцена и Петр Яковлевич объяснял мне, почему эмоции надо трактовать как один из способов решения задач, показывая это на примере исследований К. Левина. Проблема предмета и метода психологической науки была центральной для Петра Яковлевича. Знание не только современной психологии, но и ее истории, а также истории философии, марксистской теории познания, биологии, физиологии высшей нервной деятельности, психиатрии позволяли Петру Яковлевичу идти в решении этих «проклятых вопросов» психологии своим оригинальным путем. Всемирно известная теория поэтапного формирования умственных действий разрабатывалась им для решения этих кардинальных проблем психологии. Но его теория оказалась весьма продуктивной и как теория усвоения, теория учения. В ее разработку я включилась в середине 50-х гг.; в 1957 г. была опубликована наша первая совместная с Петром Яковлевичем статья. Обсуждение теории шло постоянно. И как часто мы часами провожали друг друга от одного подъезда до другого (все эти годы мы жили в одном доме), желая закончить разговор о каком-либо параметре или типе ориентировочной основы

действия. Общение с Петром Яковлевичем всегда было праздником. Высокий уровень духовности, широкое образование, заинтересованность и пристрастность при обсуждении проблем — все это оставило неизгладимый след в моей душе. Петр Яковлевич приобщил меня не только к психологии, но и к искусству. Знаток и ценитель живописи и скульптуры, он часто приглашал нас на выставки, в музеи, где был незаменимым гидом. Все эти годы Петр Яковлевич был для меня и моей семьи еще и прекрасным другом. Я считаю себя ученицей Петра Яковлевича, хотя и знаю, что, по его мнению, это звание не так уж лестно. Не раз, обсуждая развитие той или иной проблемы в истории психологии, Петр Яковлевич говорил: «Ученики, как правило, вульгаризируют идеи учителя».»

Доктор психологических наук Г.А. Цукерман, вспоминая свои студенческие годы, пишет:

«Когда мы были «сосунками» в психологии и не имели никаких собственных научных позиций (одни оппозиции), для нас было чрезвычайно важно не только и не столько то, чему нас учили, сколько то, как учили и кто учил. Личностная позиция ученого, его отношение к собственному делу и месту в науке были, пожалуй, важнее той информации, которую мы получали на лекциях (информацию в конце концов можно было добыть и из книг). Петр Яковлевич дал лично мне чистейший образец научного бескорыстия, глубочайшей самокритичности, тонко-ироничного отношения к собственным мыслям и антидогматичного отношения ко всем и всяким традициям психологии. Ни разу я не слышала от него суждения по формуле «это так, потому что это так». Никаких аксиом. Увлекательный, напряженный, порой страдальчески неразрешимый поиск оснований любой общепринятой истины.»

Собственную теорию Гальперина излагали нам многие — практически все, кто читал какие-либо курсы по детской и педагогической психологии, но только в устах автора эти идеи оказывались не просто убедительными и увле-

кательными, но живыми, способными будить мысль, учить радости и муке сомнения и додумывания. Святое недовольство собой, профессиональная самооценка без тени самообольщения — за эту (так и не усвоенную до конца) науку я более всего признательна Петру Яковлевичу».

Не только ученики, но и соратники, друзья высоко ценили строгий ум Петра Яковлевича. Д.Б. Эльконин не раз подчеркивал в беседах, что П.Я. Гальперин — самый умный психолог Советского Союза, а его сын, доктор психологических наук Б.Д. Эльконин, вспоминает: «Когда Даниил Борисович что-либо изобретал, это всегда обсуждалось с друзьями. Самым ответственным считался разговор с Петром Яковлевичем. “Если уж Петя одобрит, — говорил Даниил Борисович, — значит, это действительно что-то стоящее”».

Меня в Петре Яковлевиче всегда поражала степень погруженности в стихию мысли, сила служения своему Делу, то, как с этим Делом гармонировал весь его облик. Иногда кажется, что Петр Яковлевич — это не просто человек глубочайшего ума, а человек как бы изваянный самим Умом, его кристаллизация без каких-либо примесей. Таковы же и продукты его ума — будь то лекция, статья или просто слово в разговоре. Они додуманы, дописаны, доведены.

Тем более увлекала и привязывала к Петру Яковлевичу его естественная, полная настоящего, неподдельного такта и интеллигентности манера общения. И особенно гальперинская ирония, которая делала его доступным, а разговор с ним о любых материях земным и легким. При этом Петр Яковлевич не упрощал разговора, ведя его на своем уровне мышления.

Доступность (но не простота) образцов ума и культуры — черта Учителя. Я оказался причастным к этим образцам, и за это моему Учителю П.Я. Гальперину — огромное спасибо!»

Все приведенные выше воспоминания более или менее близких к нему людей (и далеко не всех, кто мог бы выразить свою любовь и признательность) рисуют целостный, живой образ

мыслителя, крупного ученого, педагога, реализовавшего свои намерения и продолжающего жить в своих учениках.

Но есть и другой взгляд на него — со стороны и издалека. Вспоминает ректор Тартуского университета, профессор П. Тульвисте:

«Невысокого роста, с острым голосом, очень аккуратный как во внешнем облике, так и в словах. С хорошим чувством юмора: смеялся часто и заразительно. Когда поднимались “скользкие темы”, проявлялась осторожность человека, пережившего 1930—1950 гг. В то же время именно Петр Яковлевич однажды сказал, что А.Р. Лурия прятал Б.В. Зейгарник под своим письменным столом, когда ее искали; в другой раз он же сказал, что Александр Романович был единственным учеником Выготского, который не отказался публично от своего учителя, когда этого весьма настоятельно требовали».

Читал чрезвычайно эрудированный и продуманный курс истории психологии. (Загадкой осталось, почему Петр Яковлевич не опубликовал крупной работы по “поэтапному формированию”, хотя идей и разработок в этой области у него было множество.)» (14 сентября 1996 г.).

В предисловии к книге голландского психолога Жака Ханена «Петр Гальперин: Психолог, идущий по стопам Выготского» (Haenen J. (1995) “Piotr Gal'perin: Psychologist in Vygotsky's Footsteps”. Commack, N.Y.: Nova Science Publ.) известный американский психолог Дж. Верч пишет:

«Причин считать Гальперина весьма важной фигурой в мировой психологии XX века существует несколько, но две из них, выведенные Ханеном, видятся мне особенно существенными. Во-первых, в отличие от большинства хорошо и не очень хорошо известных представителей советской психологии, Гальперина трудно отнести к какой-либо категории. Он был оригиналом и одновременно упрямым. Вместо того чтобы без проблем определить себя как приверженца той или иной ведущей

школы советской психологии, он бросился в своем собственном направлении и упрямо придерживался этого курса, даже когда это было очень трудно. Как показывает Ханен, корни идей Гальперина можно проследить у таких различных ученых, как Выготский, Леонтьев, Павлов, Соколов, Ильенков и Маркс, но нельзя сказать, что они берут свое начало непосредственно или преимущественно от кого-либо из них. Он постоянно открывал и переоткрывал самые важные проблемы психологии и показывал, что для критического разума не существует такой единственной, доктринарной их трактовки, которую можно было бы признать адекватной.

Вторая причина особого рассмотрения Гальперина связана с его упорным стремлением быть самим по себе. Как неоднократно предполагает Ханен, Гальперин был не совсем командным игроком, и это часто вносило в его жизнь и карьере лишние трудности. Однако именно это и делало его оригинальным» (пер. с англ. Н. Спюмиор, 1995; научный редактор Ж. Карпей).

Еще один ученик Петра Яковлевича, профессор из Буэнос-Айреса Марио Голдер, пишет:

«Прошло так много времени, но я все-таки храню в памяти П.Я. Гальперина, как будто вчера я слышал его слова в аудитории МГУ. Уже дома я начал вновь читать его труды, и мне кажется, что я понял их смысл глубже и гораздо лучше. Когда в Аргентине появился

перевод “Введения в психологию”, студенты университета Буэнос-Айреса думали, что автор поставил больше вопросов, чем дал ответов. На самом деле даже сегодня читать Петра Яковлевича — значит думать, сравнивать позиции разных теоретиков психологии, т. е. иметь возможность ответить на эти вопросы с позиции теории поэтапного формирования умственных действий.

Помню его как человека. Скромный, иногда суровый, всегда говорил с большой иронией. Умный. Большой мыслитель. Он, как и Алексей Николаевич, Александр Романович, Блюма Вульфовна и другие члены “фамилии Выготского”, определили мои позиции не только в науке, но и в жизни. Большое спасибо за всё» (сентябрь 1996 г.).

П.Я. Гальперин обладал строгим, рациональным, пронизательным умом, четкой логикой. Он был необыкновенно требователен и даже суров к себе. В его книгах каждое слово имеет свое точное место. Он всегда подолгу занимался шлифовкой своих рукописей, предназначенных к публикации. Расшифровывать его записи и заметки нелегко — все они сделаны своеобразной скорописью, состоящей из одних согласных букв.

Можно надеяться, что его архивы будут изучены и опубликованы.

Л.Ф. Обухова